Зимний

ВЕСНА

КРОКОДИЛ

МОСКВА ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» № 4 10 ФЕВРАЛЯ (1474) 1957 ГОД ИЗДАНИЯ 35-й ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к.

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

О зимних грезах

Зима в разгаре! Как справедливо отметил поэт:

За полем снежным — поле снежное,
Безмерно-белые луга;
Везде — молчанье неизбежное,
Снега, снега, снега, снега!

Под метровым слоем снега застыла природа. Спят медведи в своих персональных берлогах. Рыбы дремлют подо льдом, зато рыбаки-любители мужественно бодрствуют у своих лунок. Бодрствуют еще отдельные фенологи, отыскивая фольклорный гарнир для своих газетных сообщений. Именно от газетных фенологов мы узнаем, что «январь — году начало и зиме середка» и что афанасьевские морозы — лютые: «Афанасий-ломонос», «Афанасий и Кирилло забирают в рыло».

Прочитав на четвертой странице газеты столь устрашающие сведения о зиме, иные хозяйственники и носа не показывают на объектах. Таким образом, зимнюю спячку мы можем наблюдать не только среди бурых медведей, но и среди забуревших хозяйственников. Зимняя лежка — весьма распространенное явление в бюрократической фауне. Перенесемся мысленно на Орловщину, в Болховский район. Подойдем на цыпочках к кабинету директора Орджоникидзевской МТС Виктора Васильевича Царькова. Тсс!.. Слышите мерное дыхание? Это Виктор Васильевич сладко грезит в своем кресле. И чудится ему, будто все тракторы уже отремонтированы, и что качество ремонта преотличное, и что в МТС нет прогулов. И еще грезится директору, будто механизаторы премного довольны общежитием и никак не могут нахвалиться своей столовой.

Но как далеки директорские грезы от суровой действительности! В МТС не отремонтировано и половины тракторного парка. И качество ремонта, прямо скажем, плохое. И частые прогулы дезорганизуют работу мастерских. А что касается общежития с его нарами и соломенными перинами, то оно вызывает у рабочих не меньше нареканий, чем столовая с ее неизменным меню, состоящим из всем надоевшего супа.

И, несмотря на все это, Виктор Васильевич продолжает предаваться зимнему кейфу. Да он ли один? Едва Кавказское отделение Северо-Кавказской железной дороги перешло на зимний график, как пригородные поезда на Армавирском узле начали систематически опаздывать. Вместе с поездами опаздывают рабочие. Частые простои лихорадят предприятия. Жалобам нет конца. Но не доходят они до начальника отделения Филиппа Васильевича Литвиненко. Филипп Васильевич тоже пребывает во власти грез.

О, эта сонная зимняя одурь! Она так заразительна!

Вот грезит в своем кабинете управляющий трестом «Брянскстрой» Леонтий Григорьевич Дворников. И сквозь дрему чудится ему, будто с помощью руководимого им треста в колхозах имени Молотова и Коминтерна, Дубровского района, воздвигнуты роскошные, утепленные коровники. А на самом деле колхозные буренки выбивают зубами дробь в неприспособленных для зимовки помещениях.

Нет, что бы там ни говорили, а первый квартал нового года некоторые хозяйственники проводят в этаком мечтательном полузабытьи. Именно зимой они предаются бездумному ничегонеделанию, совершенно забывая, что за первым кварталом обычно следует второй. Во втором квартале те же фенологи начнут писать, что «в апреле земля преет», и что «медведь выходит из берлоги и заяц к себе не подпускает», он «на слуху», и что следует «повернуть оглобли и закинуть сани на поветь». И поэт, который недавно воспевал зиму, с энтузиазмом воскликнет:

Завтра, завтра солнце встанет,
Побегут в ручьях снега,
И весна с улыбкой взглянет
На бессильного врага!

Неизвестно только, придется ли улыбаться, скажем, директору Орджоникидзевской МТС. С чем он встретит победительницу-весну?! Словом, пробуждение может оказаться не совсем приятным для тех, кто зимой не готовился к весне.

Об этом мы и считаем нужным напомнить Виктору Васильевичу и всем тем, кто сейчас норовит поудобнее устроиться в кресле, чтобы сомкнуть очи и предаться сладким грезам под свист взмахнувшей белым крылом метели.

СЕРЬЕЗНЫЕ ЛЮДИ

Да, речь идет именно о серьезных людях. А как же иначе! Каким-нибудь несерьезным не поручили бы заботиться о тракторном и машинном парке целинных совхозов Казахстана. Повседневным делам серьезных людей и посвящается это краткое беспристрастное повествование...

Хозяйственник: — Вы заморозили все овощи, а мне из-за вас отвечать приходится!..

Рисунок Л. ГЕНЧА.

ЗА ВНЕШНИМ БЛАГОЛЕПИЕМ

Славно поработали в прошлом году тракторы на полях Казахстана! Но известно: у машины организм тоже не вечный. И вот десятки заводов-поставщиков по нарядам «Глававтотракторосбыта» шлют в Казахстан запасные части для ремонта тракторов. Вместе с различными нарядами, накладными и копиями счетов в Алма-Ату время от времени прибывают задушевные бумаги из упомянутого московского главка. В этих бумагах серьезные люди подчеркивают, что они, дескать, исключительно серьезно относятся к нуждам казахстанского тракторного парка.

Из чего же это видно?

— А как же! — говорят деятели «Тракторосбыта» во главе со своим начальником тов. Приказчиковым. — Вот, гляньте, пожалуйста: выделенные фонды и их реализация в рублях балансируются тютелька в тютельку!

Действительно, вопрос с тютелькой обстоит вполне благополучно. Фонды и рубли маршируют в ногу: ать — два! Но, неделикатно нарушая благолепие этого блестящего парада, из республиканской конторы «Автотракторосбыта» несется жалобный крик: «Недо-о-дали!!!»

Чего недодали? Да много кое-чего недополучил в минувшем году тракторный парк республики. Взять хотя бы детали к трактору «ДТ-54». В скорбном списке недоданных запасных частей фигурируют: 1 250 блоков цилиндров, 3 800 подкачивающих помп, 3 700 распылителей, 33 тысячи поршневых пальцев и т. д.

Позвольте! Но как же тогда это самое... согласованное «ать — два!» фондов и рублей? А очень просто. Взамен недоданных нужных деталей в фонды были щедро включены ненужные. Так, например, втулок балансира, которых казахстанцам вовсе не требовалось, было прислано... 141 тысяча — почти на полтора миллиона рублей! Не пожалел заботливый главк и ступиц: отвалил их почти втрое больше, чем запрашивали.

В связи с этим в целинном совхозе имени Жданова произошел небольшой инцидент. Когда директору совхоза тов. Скрипнику попытались всучить вместе с другими деталями совершенно ненужные ему ступицы, он рассердился и воскликнул:

— Подывився б я на того тупицу, якии прислав до нас ось ции ступици!

Тут на него все как зашикают:

— Чшш! Что вы такое говорите! Ведь запасные части посылают нам ответственные товарищи, серьезные люди!

Но тов. Скрипник своего слова обратно не взял. И ступиц тоже не взял.

Вот какие неприятности скрываются подчас за благолепным «соответствием» рублей и фондов...

ВЕЛИКОЕ НАШЕСТВИЕ ЛЕМЕХОВ

Заведующий Марьевской базой «Совхозснаба» тов. Марцевич тоже вполне серьезный человек. Обнаружив в один прекрасный день, что спрос на лемеха к тракторным плугам есть, а лемехов на базе нет, он забил тревогу:

— Шлите лемеха! Пропадаем!

Услышали другие серьезные люди — в Петропавловске,— решили на всякий случай «поддать жару»:

— Гоните лемеха как можно больше!

Услышали третьи — в Алма-Ате, в республиканском Министерстве совхозов,— еще подбавили:

— Требуются лемеха в неограниченном количестве!

Дали из Москвы команду на «Алтайсельмаш» — и гигант сельскохозяйственного машиностроения со всей своей богатырской силой налег на изготовление лемехов для целинных совхозов Казахстана. Изготовил их видимо-невидимо. И когда совхозы уже заканчивали распашку целины, началось великое нашествие лемехов.

— Пропадаем! — снова кричит тов. Марцевич.

И немудрено. Лемехами забиты все склады. В лемеха вбиты все средства. На базах «Совхозснаба» в Марьевке, Булаеве и Мамлютке запаса лемехов хватит на пять лет.

Только и слышно:

— Что? Еще два вагона прибыло? Заворачивай обратно, с переадресовкой!

— Да мы их уже заворачивали, они опять вернулись. Как же быть? «Алтайсельмаш» оплаты счетов требует!

— Хватит! Больше не будем платить! Только через наш труп и через московский Госарбитраж!

Но, между прочим, Марцевичу не так давно прислали еще один счет за лемеха — на 62 026 рублей 60 копеек. Говорят, что при виде страшной бумажки он на некоторое время словно бы закаменел, а потом произнес рыдающим голосом:

— Хотел бы я знать, кто это заварил такую кашу?!

И в самом деле: кто?

ПОМОГЛИ...

Приехал в совхоз имени Маяковского, Кустанайской области, товарищ из республиканского центра — старший инженер-инспектор Министерства совхозов А. В. Григорьев. Приехал и видит: стоят в разобранном виде девять мощных тракторов, а вокруг них руководство и механики с похоронными лицами.

— Что, друзья, приуныли? — спрашивает приезжий.

— Да вот с ремонтом форменная беда. Нет на складе ни вкладышей, ни питательных трубок, ни масляных радиаторов.

Инженер-инспектор сделал у себя в блокноте пометку и говорит бодро:

— Не расстраивайтесь! Приеду в центр — доложу. Поможем!

После его отъезда руководство и механики приободрились: дескать, этот не подведет, посодействует. Серьезный человек!

Приехал инженер-инспектор в Алма-Ату, доложил заместителю министра тов. Лысенко о разобранных тракторах. Доложил — и стало ему легко на душе: теперь дело в верных руках, у серьезного товарища!

Позвонил заместитель министра в республиканскую контору «Автотракторосбыта».

— Тут,— говорит,— такая беда у совхоза имени Маяковского... Надо бы помочь.

— М-да,— сказали конторские деятели.— Помочь, конечно, можно. Только уж больно далеко этот совхоз... В общем, сообразим.

Положил заместитель министра телефонную трубку. Ну, надо полагать, помогут! Люди серьезные, понимают важность вопроса...

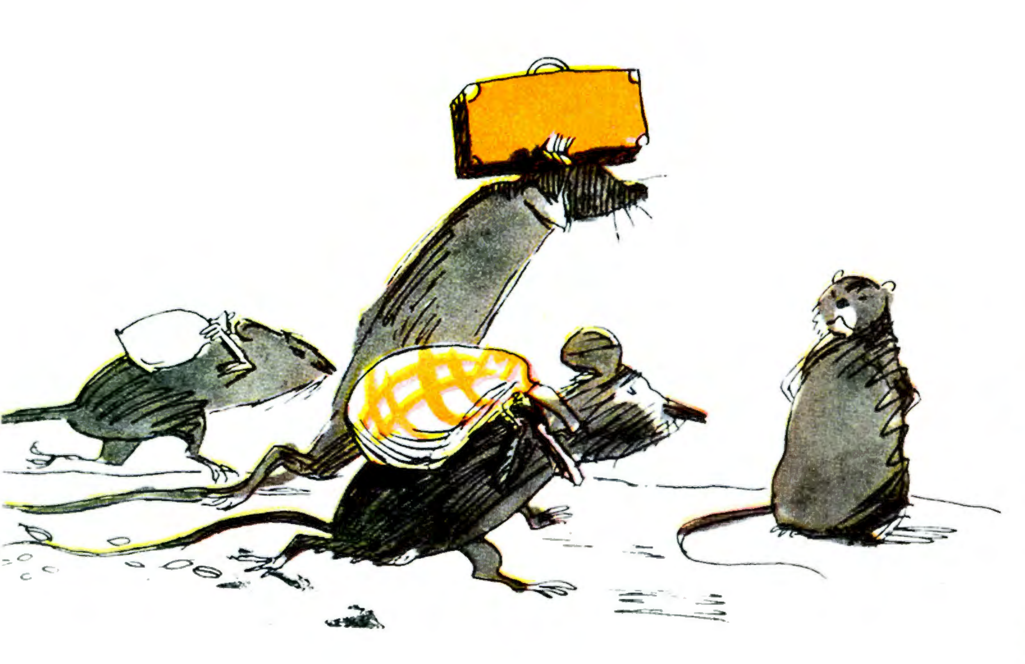
К этому остается добавить одну только фактическую деталь: тракторы в совхозе имени Маяковского по сие время стоят в разобранном виде.

Как видно из всего рассказанного, серьезные люди тоже действуют иногда того... не совсем серьезно!

Н. ЗВЕРЕВ

гор. Алма-Ата.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

— Почему вы ушли из соседнего колхоза!
— Нас там травят...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

— Зашли бы в коровник!
— Что вы! Что вы! Там же замерзнуть можно...

Голубое и розовое

Марии Мироновне очень не хотелось идти сначала на допрос в уголовный розыск, а потом в суд.

Всего несколько месяцев назад она давала ответ примерно по такому же делу в Одессе, однако наука не пошла ей впрок. И вот теперь Мария Мироновна снова попалась с тем же самым, но уже в Москве.

— Пожалейте! — взмолилась она, и горячая слеза, скользнув по тонкому слою пудры, шлепнулась со щеки в телефонную трубку.— Я же актриса, и вдруг мое имя окажется связанным с именем этой самой Татьяны Ивановны... Позор! Какой позор!

Судья кашлянул. Он, этот судья, знал Марию Мироновну по эстрадным концертам и, чтобы успокоить ее, сказал:

— Так мы же вызываем вас не ответчиком, а только в качестве свидетеля.

— Какая разница!.. Дело-то уж больно некрасивое...

Марии Мироновне можно было поверить. Дело Татьяны Ивановны было больше чем некрасиво: Татьяна Ивановна стояла во главе большой преступной шайки, членами которой являлись спекулянты, перекупщики, жулики и воры.

Лично Мария Мироновна, конечно, не крала. Она была только в числе постоянных покупательниц у Татьяны Ивановны.

— Я люблю все красивое. Это меня и подвело,— оправдывалась она на суде.

Но в истинно красивом Мария Мироновна как раз разбиралась не очень хорошо. Среди человеческих типов, порожденных нэпом, Ильф и Петров описали и людоедку Эллочку. Жалкую, маленькую обывательницу, единственной целью жизни которой было не уступать в своих туалетах дочери американского мультимиллионера Вандербильда. И людоедка Эллочка отдавала заочному соревнованию с Вандербильдихой всю силу своей души и весь заработок своего несчастного супруга.

В отличие от людоедки Эллочки Мария Мироновна поставила себе более широкие задачи. Она соревновалась не с одной Вандербильдихой, а со всей плеядой голливудских кинозвезд.

— Мне нужно точно такое же платье, какое было на Марлэн Монро в фильме «Семь лет зуда»,— сказала она Татьяне Ивановне в день их последней встречи.

И хотя Марлэн Монро в этом фильме скорей была раздета, чем одета, Татьяна Ивановна заказ приняла.

— Хоть из-под земли, а для вас, Машенька, достану!

— А вам для чего понадобилось такое платье? — спросил Марию Мироновну судья.— Для сцены?

— Что вы!.. Конечно, для себя. Ходить в гости. Я же чтица сатирического плана. Разве я могу высмеивать в таком платье обывателей со сцены?

Как выясняется на суде, так вела себя не только одна Мария Мироновна. В зал заседаний вызывается еще один свидетель, архитектор Кискин. Это крупнокостный, широкобровый человек. Судья смотрит на него и спрашивает:

— А вы за какой контрабандой ходили к Татьяне Ивановне?

— Ходил, но только не для себя. Я человек принципиальный. А вот жена у меня — женщина отсталая, с пережитками. Она действительно интересовалась. Бусами на шею. Тряпьем. Ну, там, лифчики, рубашки, трусики.

— Жена интересовалась, а вы покупали?

— А как же!.. За ней только не догляди... Она обязательно переплатит. А я по характеру эконом.

— Он из-за одной комбинации пять раз бегал ко мне торговаться! — презрительно бросает с места какая-то из спекулянток.

— Вы? Групповой архитектор! Мужчина!

— А что ж из того? Комбинация-то заграничная!

Художник Скорняков-Сурмилов только неделю назад произнес в Доме искусств речь против низкопоклонников, а сегодня на суде выяснилось, что имя Скорнякова-Сурмилова тоже значится в записной книжке Татьяны Ивановны. Правда, художник делал покупки не сам, а через жену. Сам он был членом бюро какой-то секции и считал неудобным для себя вступать в контакт с подозрительными элементами. Но членство в секции не мешало, однако, Скорнякову-Сурмилову гонять своих родных к этим элементам по три раза на неделе.

— А ну, сходи посмотри, нет ли у Татьяны Ивановны чего-нибудь новенького: перстня, пижамы с наядой, шубы из цигейки!

А из-за одной французской сорочки Скорняков-Сурмилов поругался и чуть было даже не разошелся с женой: почему она упустила такой товар из-под рук? Теперь во французской сорочке будет ходить не он, Скорняков-Сурмилов, а муж Марии Мироновны.

Судья смотрит на художника и удивляется:

— Да стоило ли вам связываться с жуликами и спекулянтами из-за какой-то сорочки? Устраивать жене дебош, скандалы? Ну, не было французской — купили бы русскую, лавки сейчас, слава богу, полны!

— О, русские кроятся по устаревшей моде! — говорит художник.

Швейные фабрики легкой промышленности и в самом деле часто отстают от моды. Однако в наших магазинах торгуют сейчас не только готовым платьем, но и самыми разнообразными материалами: шерстью, шелком, штапелем... Покупай, что тебе по карману, и шей себе сорочки любого фасона.

Но дело было не столько в фасоне, сколько в этикетке. А она обязательно должна была быть у модников заграничной. Этого требовали от Татьяны Ивановны и Мария Мироновна, и автор речи против низкопоклонников художник Скорняков-Сурмилов, и все те свидетели, которые выступали на суде после этого художника.

— Кульков! — громко говорит судья, и в зал заседаний входят сразу двое.

Среди постоянных клиентов Татьяны Ивановны были, оказывается, и однофамильцы: Кульков-поэт и Кульков — заведующий пивной палаткой. Оба яркие, цветастые. На обоих нацеплена пропасть никелированных пряжек. На губе у того и другого тоненький, мушиный след жиденьких усиков. В руках у каждого для кокетства янтарные четки. Отличить одного Кулькова от другого очень трудно. Кулькову-поэту от такого сходства не по себе. Чтобы оправдаться, он говорит:

— Розовое и голубое — мои любимые цвета. Я всегда хожу в них. Об этом все знают.

Но судью интересует сейчас не то, в чем ходит поэт, а то, что он пишет. Судья медленно оглядывает сначала одного Кулькова, того, который заведует палаткой. Здесь для судьи все ясно. Этот Кульков заработал летом на пивной пене большие деньги и решил заказать себе туалет «под стиль с Брода». Он купил у Татьяны Ивановны светло-розовый бархат в рубчик на брюки и светло-голубую шерсть на пиджак. Что ж, о вкусах, как говорится, не спорят. Но ведь второй Кульков спорил. И не один на один, а публично. Он посвятил даже своему однофамильцу сатирическую сценку, в которой высмеял того не только за недолив пива, но и за «стиль с Брода». Высмеял, а сам?

Как же назвать такое поведение, как не моральным двурушничеством?..

— Мелкие люди. Барахольщики! — сказала о своих бывших клиентах Татьяна Ивановна.— Как глупая птица страус, они глотают все, что блестит: ракушки, камешки, бутылочное стекло.

— Как мелкие? — обиделся адвокат.— Это же работники искусства: актер, художник, архитектор! Среди свидетелей есть даже писатель.

— Ай, разве это настоящий писатель? Так, порошковое молоко. Я пробовала завести клиентуру среди настоящих,— говорит Татьяна Ивановна.— Хотела познакомиться с авторами нашумевших романов. Но у меня ничего не получилось.

— Почему?

— А настоящим писателям розовые брюки ни к чему. Их и без этого знают люди.

И вот они сидят почти рядом. Только барьер отделяет Кулькова-поэта от Татьяны Ивановны. Судят сегодня Татьяну Ивановну. Но в жизни бывают такие ситуации, когда сидеть на свидетельской скамье так же позорно, как и на скамье подсудимых.

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рисунок К. РОТОВА.

ЛЫЖНАЯ ЭСТАФЕТА

ПАПКУ—ПО КРУГУ

Вот уже полгода, как у Анастасии Афанасьевны Цецохо появилось новое увлекательное занятие: она следит за тем, как переписка по ее делу перекочевывает из района в район и снова возвращается «на исходные позиции».

А ведь начало истории не предвещало ничего интересного. Просто бывшему педагогу школы № 2 города Кивиыли А. А. Цецохо для начисления пенсии понадобилась справка о среднемесячном заработке за несколько лет. В один прекрасный солнечный день она написала об этом заявление. Какая же из этого получилась карусель! Из Кивиыльского района заявление направили в Раквереский район, оттуда перебросили уже в третий, Йыхвиский. Потом папка с перепиской вернулась в Кивиыли, а оттуда ее отослали в архивы уже известных нам Раквереского и Йыхвиского районов.

Прошли солнечные дни. Минула золотая осень. Закружились в воздухе белые снежинки. Ударили морозы. А папка с документами и заявлениями все путешествует по кругу. В конце концов она очутилась в... школе № 2, откуда и начала свой путь. Так круг замкнулся.

Но дело еще не кончилось, и справку тов. Цецохо до сих пор не получила. Кажется, заявление ее, выросшее, как снежный ком, хотели переправить снова в Йыхви. А может быть, она уже в другом месте. Одно ясно: папка продолжает идти уже по второму кругу.

Однажды тов. Цецохо сделала попытку прорвать этот ритмичный круговорот, обратилась в Министерство просвещения Эстонской ССР. Но оттуда ей не ответили.

Теперь тов. Цецохо на собственном горьком опыте убедилась: если за дело возьмутся волокитчики высокой квалификации, они сумеют и в ограниченных рамках трех районов такую канитель развести, что до будущих морозов не распутаешь.

Л. АЛЕКСАНДРОВА

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

МЕЧТЫ МЕБЕЛЬЩИКОВ...

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

...И ЛЕСОЗАГОТОВИТЕЛЕЙ.

И. КОСТЮКОВ

ГРАЖДАНЕ ПАССАЖИРЫ

(Сценка)

По запорошенной снегом улице катится троллейбус. Ловко оперируя рулем и педалями, водитель то пустит машину во всю мощь, то круто затормозит, отчего стоящие в проходе пассажиры получают возможность на практике познакомиться с законом физики, именуемым инерцией: при торможении все они оказываются возле кабины водителя.

Троллейбус идет от центра к окраине, пассажиров еще много, но в машине тихо, разговоров не слышно. Лишь совсем молоденькая девушка-кондуктор время от времени объявляет названия остановок или любопытствует, все ли едущие позаботились о приобретении проездных билетов.

На одной из остановок в машину входит новый пассажир в распахнутом модном широкоплечем пальто и зеленой шляпе. На галстуке цветным шелком вышита золотая подкова. От вошедшего отдает морозом и спиртным. Слегка покачиваясь, он молча расплачивается с кондуктором, ищет глазами свободное место и, не найдя такового, неуклюже хватается за поручни. С первой же минуты широкоплечий вступает в единоборство с инерцией. Он чаще других заваливается назад либо усердней остальных отвешивает поклоны водителю. Его борьба с инерцией не обходится без жертв. С сидящей возле него девушки была сдвинута шапочка, а во второй раз, желая сохранить равновесие, он схватился за ее плечо. Девушка, очевидно, хорошо знала физику, верила в непоколебимость ее законов и поэтому заранее предугадала исход борьбы. Она встала и кивком головы указала широкоплечему на освободившееся место.

— Мерси, мадемуазель! — Кандидат на сидячее место отцепился от поручней и взялся за верх шляпы, видимо, для того, чтобы отблагодарить девушку за оказанную любезность, но только взмахнул рукой, покачнулся и шлепнулся на сиденье. Через минуту, откинувшись назад, он уже спал, причмокивая губами и посвистывая носом.

— Иностранец! — шепнул своей соседке черноусый мужчина в больших роговых очках.— Видела, как он хотел раскланяться? Так поступают только иностранцы.

— По-моему, он самый настоящий француз,— ответила его соседка, молодая дама в маленькой шапочке, которую модницы почему-то называют «менингиткой».— Французы всегда очень корректны! Очень!

— Он больше похож на свинью!— брезгливо поморщился сидевший позади них парень с томиком Маяковского в руках.— Ишь, как нализался!

— В этом, молодой человек, ничего нет удивительного,— ввязался в разговор сидевший с ним рядом крупный дядя в форме железнодорожника.— Они там у себя во Франции пьют только разную водицу, вроде шампанского. А эту муру, шампанское-то, сколько ни пей, все равно ни в одном виске не защекочет. Только живот распирает — и все... Ну, а тут, у нас, небось, дорвался до «Столичной», вот его, голубчика, и покоробило.

— Что ни говорите, а иностранцы даже и в таком виде умеют себя держать в общественном месте,—не унимался черноусый.— Они, когда выпьют, еще обходительней становятся.

— Это еще как сказать, — усомнился почитатель Маяковского.— Все зависит от характера человека.

— При чем тут характер? — сверкнул очками черноусый.

— А при том, гражданин, что иной выпьет какие-то несчастные сто граммов, а потом за десятерых начинает дурака валять! — с жаром стал доказывать парень.— А мы сидим и смотрим на него, боимся одернуть. Вот вы восторгаетесь учтивостью пьяного иностранца, говорите, что он умеет вести себя в обществе. А от кого зависит, что у нас пьяные не умеют себя вести? От нас! От нас же самих! Вместо нетерпимого отношения к нарушителям тишины и спокойствия мы подсмеиваемся над ними, позволяем им безобразничать... вообще терпим их!

— Поскольку вы не терпите пьяных,— черноусый кивнул в сторону спящего,— возьмите да и высадите его.

— Если бы это был наш соотечественник, то я бы его...— вскинул голову обладатель томика Маяковского.— Ну, а с этим другое дело. Этот иностранец. Высадишь, а потом начнутся всякие дипломатические неприятности.

— А за что, собственно, этого иностранца высаживать-то? — пожала плечами дама в «менингитке».— Ведет он себя более чем прилич...

Дама не успела закончить свою защитительную речь в пользу подвыпившего иностранца. При очередном торможении он стукнулся грудью о спинку передней скамейки, аппетитно зевнул и, сдвинув шляпу на затылок, запел:

— Как на милку нагляжуся,
Так спокойно спать ложуся.

— Батюшки родимые! — усмехнулся железнодорожник.— А иностранец-то, видать, родом из-под Калуги!

Ему никто не ответил. Дама в «менингитке» подняла лисий воротник и, будто ничего не произошло, начала рыться в своей сумочке. Ее черноусый сосед сквозь затянутое легкой морозной пленкой стекло стал смотреть на расплывчатую неоновую рекламу. Парень с томиком Маяковского раскрыл книгу, поднес ее к самому носу и зашевелил губами. Лишь пьяный певец то тянул какую-то мелодию, то переходил на речитатив.

— Гражданин, здесь петь нельзя,— сказала девушка-кондуктор.— Сидите спокойно... если выпили.

— Кто это выпил? — Пьяный обернулся и посмотрел на кондуктора.— Я тебя, кондуктор, спрашиваю: кто тут выпил? А? Ты думаешь, я выпил?

Он сделал попытку встать, но его собственные ноги вышли из его же повиновения.

— Гражданин, ну, вам же сказали, чтоб вы вели себя потише! — продолжая заниматься своим делом, повторила девушка-кондуктор.— Сидите, как все сидят.

— Нет, постой, ты говоришь, что я пьяный,— не унимался тот, кого только что принимали за иностранца.— А почему я пьяный? Отчего? Разве ты мне подносила? А? Ну, отвечай, ты мне подносила?

— Еще раз, гражданин, прошу: не хулиганьте! Иначе я позову милиционера.

— Пожалуйста! Зови! Хоть десять милиционеров! Хоть целое отделение вызывай! Я все равно никого не боюсь. Не из пугливых... А за клевету на честного человека ты мне ответишь... А ну-ка, скажи, как твоя фамилия?

— Гражданин, вы мешаете. Сейчас я вас высажу. А там пусть милиция с вами разбирается... Граждане, помогите высадить его!

Девушка захлопнула сумку, позвонила водителю и решительно подошла к пьяному. Но в то же время железнодорожник, не поворачивая головы, громко сказал:

— Товарищ кондуктор! Ну что вы привязались к нему? Оставьте человека в покое! Вы же видите, что он пьян.

Пьяный на какое-то время утихомирился, поморщил лоб, как бы осмысливая услышанное, а потом повернулся к своему новому защитнику и спросил:

— Виноват, это вы про меня говорите, что я пьян?

— Слушайте, уважаемый! — Железнодорожник сложил губы в улыбку и замахал рукой.— Вы, уважаемый, немножечко того... ну, и сидите...

— Ты брось крыльями размахивать! Ты лучше ответь: когда мы с тобой пили?

— Видите ли, дорогой мой,— железнодорожник еще раз сделал попытку улыбнуться,— я совсем не пью. Ничего не пью.

— Не верю! Верблюд, и тот пьет. Раз в неделю, но пьет. А ты что, хуже верблюда, что ли? Небось, хлещешь за мое почтение! Ну, признайся нам, по скольку пьешь-то? По литру? А может, по два?

Железнодорожник крякнул, стер со лба выступившую испарину и беспомощно посмотрел на остальных пассажиров. Все они были заняты кто чем: одни читали, другие дремали, третьи просто смотрели в окно.

— Хм... Как же так? — спросил он.— Оскорбить человека ни за что ни про что... просто так... за здорово живешь...

— Ага! Значит, пьешь да еще и критику не любишь! — Пьяный прищурил один глаз и посмотрел в сторону железнодорожника.— Уж и нельзя слова сказать. Сразу в амбицию. Значит, больно умный. Все дураки, один ты умный... Граждане, посмотрите, умный гусь выискался! Он да еще его сосед. Вон тот, который книжку держит. Ишь, губами-то шевелит... Умники!

— Девушка! Кондуктор! — возмутился железнодорожник.— Да что же это такое у вас тут делается? А? Какой-то пьяный хулиган оскорбляет пассажиров, а вы стоите!

— Да, кондуктор, это черт знает на что похоже! — присоединился к железнодорожнику и парень с томиком Маяковского.— За порядком совсем не смотрите!

С претензиями к кондуктору начали обращаться и остальные пассажиры. А тем временем троллейбус подошел к конечной остановке. Все встали и направились к дверям.

Когда машина опустела, девушка-кондуктор стала выдворять пьяного, успевшего к тому времени примоститься спать в проходе.

— Иди, иди, пьянчужка! — говорила она, подталкивая «иностранца» в спину.— В милиции отоспишься!

Бормоча: «Ну, поаккуратней, мадемуазель!»,— пьяный цеплялся за каждую лавочку, упирался. Стоявшие возле машины железнодорожник и обладатель томика Маяковского всячески подбадривали девушку. Особо горячился железнодорожник.

— За воротник его, хулигана, хватайте! — советовал он.— За воротник удобней выталкивать!

— И, как назло, ни одного милиционера! — досадливо вторил ему парень. — А одной девушке разве справиться с ним?

Он закурил, дал прикурить своему попутчику, и оба не спеша пошли в сторону большого, блещущего огнями дома.

КАК СНЕГ НА ГОЛОВУ...

Посмотрим внимательно на зимний пейзаж в капиталистическом мире. Что нам в первую очередь бросится в глаза?

Обилие снега.

В этом году в Америке и ее европейских окрестностях очень снежная зима.

Причем зимние осадки имеют тенденцию падать на голову редакций влиятельных газет и еще более влиятельных политических кругов.

Недаром там сейчас широко распространено выражение: «Как снег на голову».

Как снег на голову — вынужденный уход бурно-воинственных агрессоров из Египта.

Как снег на голову — отставка Идена, что, как известно, является результатом... Короче говоря, смотри предыдущий абзац.

Но это, можно сказать, прошлогодний снег. А вот совсем свежий. Помечен январем 1957 года.

Как снег на голову для Лондона — «доктрина Эйзенхауэра».

Как снег на голову для буржуазной печати — результаты выборов в Польской Народной Республике.

Как снег на голову для Вашингтона — выступление Аденауэра по вопросу о термоядерном оружии.

В долларовых сферах воцарилось смятение. Вашингтонский корреспондент газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» писал трепетной рукой, что «в официальных кругах были потрясены и пришли в ужас в связи с призывом канцлера Аденауэра к международному запрещению водородной бомбы».

Но в Бонне боятся плохой вашингтонской погоды. И сейчас Бонн из кожи лезет вон, чтобы доказать, что напрасно думают о выступлении канцлера против атомного оружия, как о снежной лавине. Это не настоящий, а бутафорский снежок. Этакое предвыборное конфетти, сброшенное с федеральных небес.

Дуют холодные североатлантические ветры, сильные, вплоть до истерических...

Нарисованный нами зимний пейзаж не будет полон, если не упомянем о заморозках, наступивших в одно и то же время на реке Темзе, где находится Лондон, и на реке Потомак, где расположен Вашингтон. Дело в том, что Вашингтон расположен не считаться с Лондоном в своих колониальных замыслах, и вот от этих «союзников» подуло друг на друга холодным ветром, с изморозью.

А это что за снежные сугробы в коридорах ООН?

Это сугробы резолюций по «венгерскому вопросу». В помещении ООН все мусорные ящики забиты этими резолюциями, отсюда и неубранные сугробы.

Зима. Крепчают морозы. В большом страхе Монна Лиза, жена неаполитанского купца, более известная под именем Джиоконды.

Ее знаменитый портрет работы великого Леонардо да Винчи висит во французском музее искусств, в Лувре.

Недавно некий Гюго Унжег Вилегас, уроженец Боливии и парижский безработный, пришел в Лувр и с размаху запустил в «Джиоконду» камнем.

В полицейском участке арестованный заявил, что у него нет ни жилья, ни работы. Он уже несколько дней искал способа, как бы попасть на зиму в тюрьму и переждать там холодную пору... Вот почему он и ополчился на «Джиоконду» — верное средство попасть за решетку.

Монна Лиза в тревоге. А что, если и другие парижские бездомные и безработные, чтобы найти теплый уют в тюрьме, начнут забрасывать ее камнями?!

Мороз крепчает. Зимний пейзаж на Западе не ахти как красив.

Г. РЫКЛИН

ЗИМНИЕ КАРТИНКИ

Рисунки Ю. ГАНФА.

ДОКТРИНА

ЮГ 57

Кошка дорогу перебежала.

Н. ЛАБКОВСКИЙ

Перо и утка

Бывший чехословацкий журналист Фердинанд Пероутка, подвизающийся на радиостанции «Свободная Европа», выступает с провокационными и подстрекательскими призывами к свержению народно-демократического строя.

Поручили Фердинанду
Пропаганду,
Припугнули Пероутку
Не на шутку:
Чтоб свою принес он лиру
В жертву боссам,
А не то пойдет по миру
Голым, босым.
Посулили дать на бочку
Денег кучу,
Если будет каждой строчкой
Звать он к путчу.
И пошел он врать:
сто строчек —
Сто десантов!
Между строчек — сорок бочек
Арестантов.
Только в грязь макнет перо — и
Сразу утка...
Вот как стал у них героем
Пероутка!

Дед Мороз и Санта Клаус

В последнее время некоторые антисоветских дел мастера буквально вылезли из кожи вон.

Конкуренция среди клеветников и злопыхателей обострилась до крайней степени. Обычный лай, рычание, визг и прочие изысканные звуки котируются невысоко. Человеку, решившему прославиться на стезе антикоммунизма, ныне приходится изворачиваться, чтобы придумать нечто выдающееся, абсолютно оригинальное и до сих пор не слыханное.

И следует прямо сказать, что такие находятся. Например, нашелся некий лондонский врач П. М. Блум. Отчаявшись, видимо, прославиться в своей области, он решил отыграться на антисоветских бреднях.

Свой гневный взор доктор обратил на... Санта Клауса.

— Как,— воскликнул он,— наш старый добрый Санта Клаус, без которого не обходится ни одна рождественская елка, одет точно так же, как русский Дед Мороз?! Возмутительно!

Американская газета «Детройт ньюс» рьяно поддержала негодующего доктора. «Не пора ли принять меры к тому, чтобы милый старый джентльмен был одет в манере, более приемлемой для западного мира?» — вопрошает она.

Газета не сообщает, какой туалет уготован Санта Клаусу, поэтому мы считаем себя вправе высказать несколько предложений.

Прежде всего сам костюм. Вместо валенок, шубы с кушаком и теплой шапки можно предложить скромный военный костюм американского покроя.

Клюка, естественно, у деда отнимается, и в руки ему вкладывается изящный современный автомат.

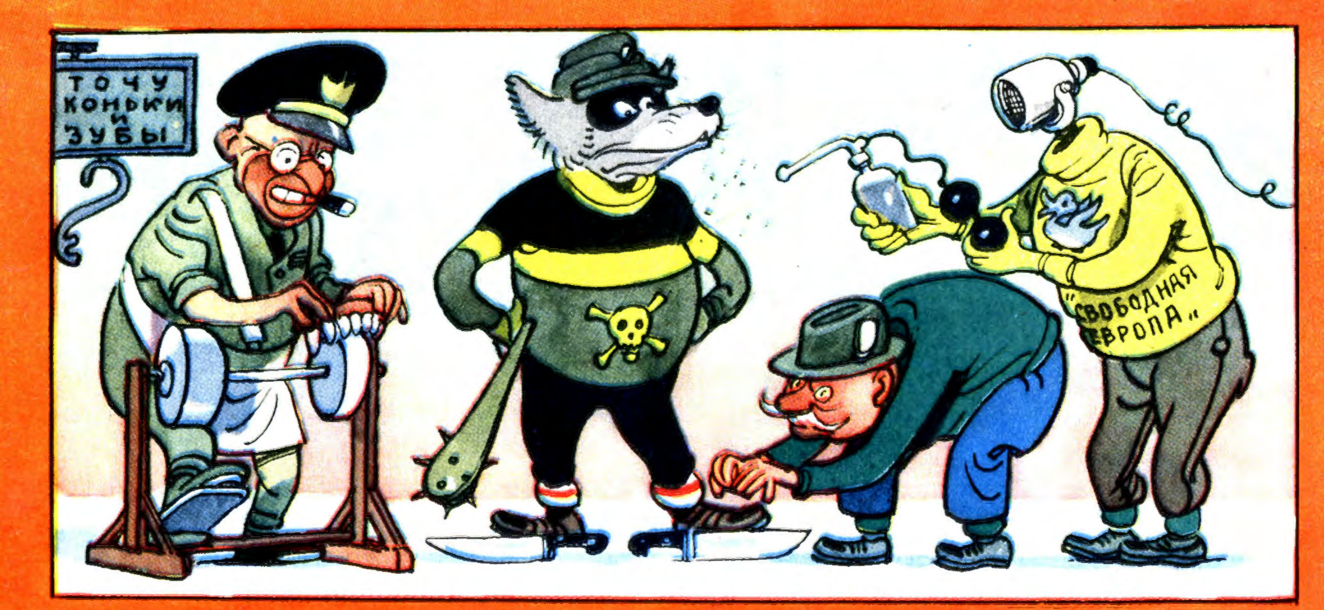
Далее встает проблема бороды. Борода, да еще седая... Нет, знаете ли, в этом есть что-то славянско-партизанское! Поэтому борода у Санта Клауса сбривается. В крайнем случае можно оставить незначительные усики à la премьер в отставке.

И последнее. Санта Клаус имел до сих пор обыкновение делать подарки, причем бесплатные. Даже человеку непредубежденному ясно, что этот обычай попахивает социализмом. Посему подарков делать он больше не будет, а вместо этого будет собирать налоги на покрытие гонки вооружений.

Надо надеяться, что после таких изменений Санта Клаус станет воплощением самой благонадежности, а в его приверженности к высоким идеалам «западного мира» не сможет усомниться ни один скептик. Даже доктор П. М. Блум.

Г. ЮРЬЕВ

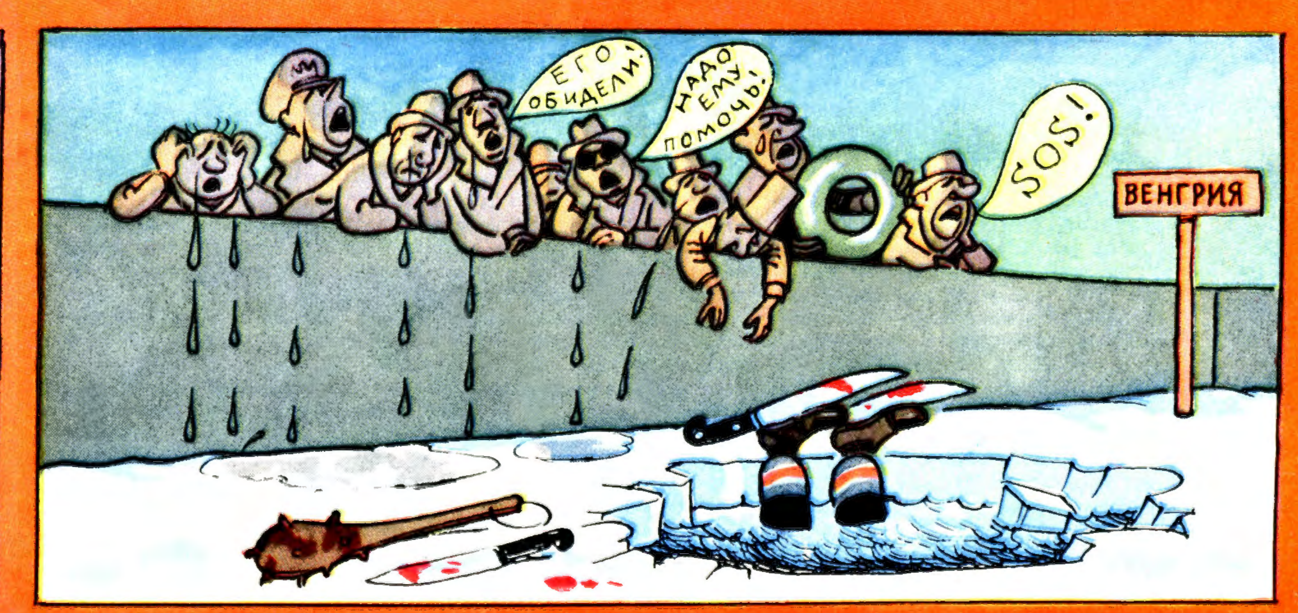
ЧЕМПИОН РЕАКЦИИ, ЕГО ТРЕНЕРЫ И БОЛЕЛЬЩИКИ.

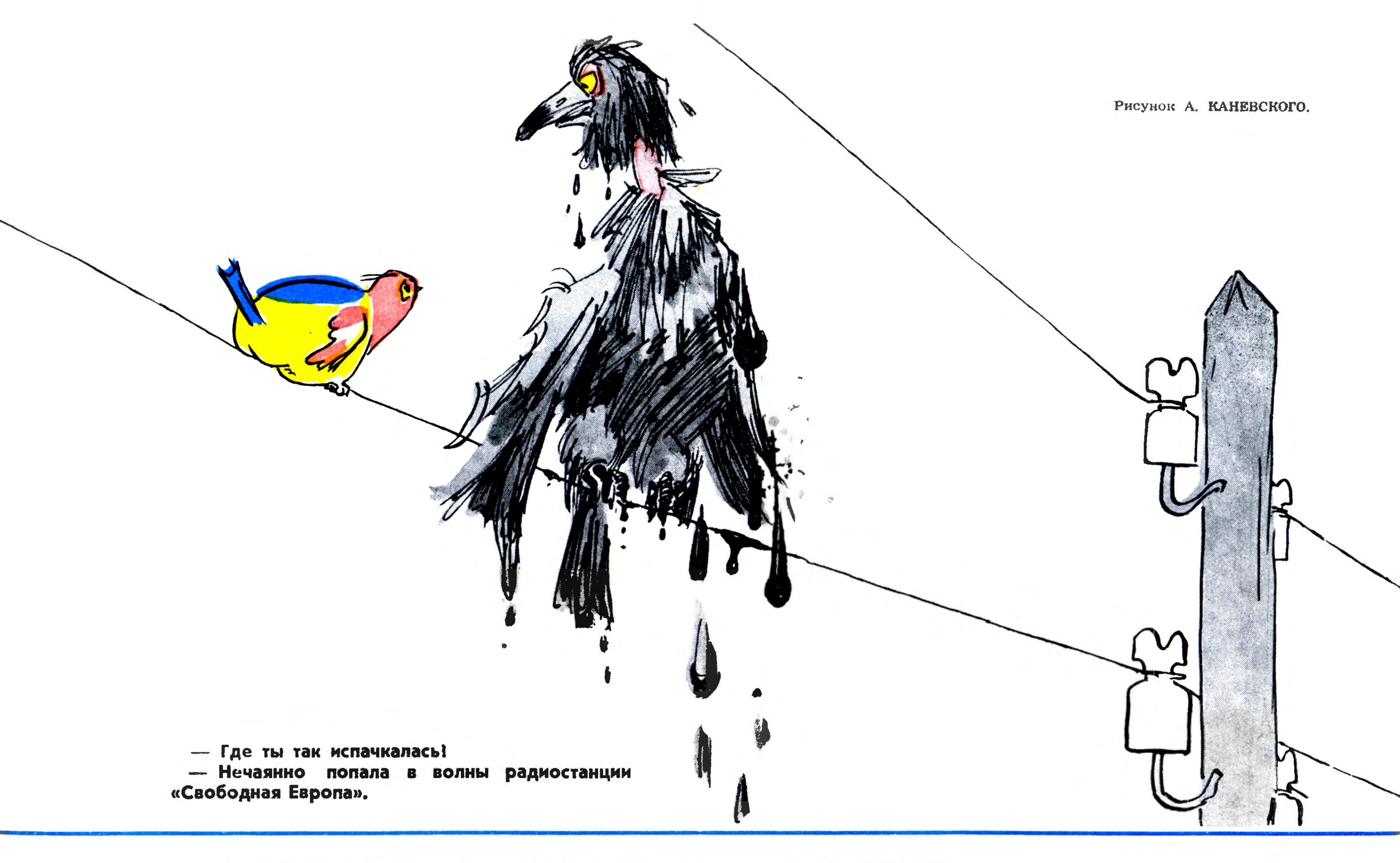
Старт.

На дистанции.

Финиш.

— Где ты так испачкалась!
— Нечаянно попала в волны радиостанции «Свободная Европа».

КИТАЙСКАЯ НОВЬ

Листки из путевого блокнота

Деревня Мэйцзяу. В комнате сельского портного перед швейной машинкой стоят две девушки. Одна смущенно молчит; ее подруга, побойчее, наступает на молодого портного:

— Вы, товарищ Фын, свои обязательства не выполняете! Вы обещали, что платье для нее будет готово к понедельнику?

— Говорил, но...

— Но сегодня уже пятница, а где платье? Вы, товарищ Фын, плохо справляетесь со своей работой потому, наверное, что плохо освоили технику!

Портной молчит, грустно поглядывая на «неосвоенную технику»...

Когда девушки ушли, он обратился к нам:

— Что же я могу сделать? До освобождения на всю деревню было двое портных. Без швейных машин. И прекрасно справлялись со всеми заказами: тогда ведь только помещикам шили! Когда помещиков не стало, портные думали, с голоду умрут. А вдруг получилось наоборот. Пошли к ним заказы, да с каждым днем все больше. Двоим уже работа не под силу. А потом бригада взаимопомощи образовалась, кооператив... Урожаи стали еще выше, денег еще больше. В общем, сейчас нас восемь портных в деревне. Четверо — с машинами. И все равно не хватает. И куда люди шьют, не понимаю! В апреле, после первого чая, или в ноябре, когда весь урожай собран, приходится в день по 15 — 20 заказов принимать...

Ну, для этой девушки придется ночь не поспать,— закончил он, улыбнувшись. — Ей скоро на курсы ехать, уж так и быть. Только насчет техники — это они зря. Я же специальные курсы в Ханьчжоу кончал!

* * *

Машина отходит от сельской школы. У ворот стоит толпа ребятишек; они что-то кричат нам вслед. Мы машем им на прощание. Вдруг вся ватага срывается с места и мчится к нам. Машина останавливается. Дети подбегают и вопросительно смотрят на нас. Молчание. Опять трогается машина, опять мы машем руками, опять школьники несутся к нам...

Так повторяется еще два раза, пока умирающий от хохота переводчик не объясняет нам, что русский жест «до свидания» по-китайски означает «иди сюда».

* * *

В гостинице, где мы остановились, на первом этаже в одной из комнат собрались официанты и лифтеры. Идет урок русского языка. Проходят названия дней недели. Самое сложное слово — «воскресенье»: длинное и трудно произносимое. Преподаватель быстро находит выход. Он подыскивает китайскую фразу, отдаленно напоминающую по звучанию название седьмого дня недели: «вацзацзайснели». В буквальном переводе на русский фраза означает: «чулки в ботинках». Это всех устраивает. Ага, значит, «чулки в ботинках» по-русски означает «выходной день»!

* * *

На Чанчуньском автомобильном заводе работает группа советских специалистов с ЗИЛа. От гостиницы, где живут наши специалисты, до завода ездят на автобусе. Остановки они окрестили по-своему и с нежностью произносят: «Ну, вот, Новокузнецкую проехали, сейчас Павелецкая, а потом и Автозаводская».

* * *

Нам казалось, что территория Китая разделена на две части. Одна отводится под поля, леса, дома, дороги и т. п. Остальная часть территории занята баскетбольными площадками. Они всюду: на деревенской улице, в самом центре города, у входа в министерство, на привокзальной площади...

Два раза в день по десять минут дворы учреждений и улицы по всей стране заполняются людьми: физические упражнения в сопровождении радио.

Я брал интервью у министра водного хозяйства. Настало время десятиминутной зарядки. По радио раздалась знакомая мелодия. Заместитель министра, присутствовавший при разговоре, встал, извинился и вышел во двор делать упражнения вместе со всеми служащими.

Я видел, что министру очень хотелось туда же. Он остался в кабинете только из вежливости.

* * *

В государственно-частной торговой компании «Юнань» работают представитель частного капитала известный капиталист Го Линь-шуан и представитель государственной стороны заместитель директора товарищ Чэнь Сюнгоан. Они сотрудничают дружно и плодотворно. Но однажды получился казус. Го Линь-шуан послал Чэню под Новый год корзину яиц из собственного курятника. Государственный представитель решил, что это попытка со стороны капиталиста подкупить его, и не принял подарка.

На общем собрании сотрудников компании Го Линь-шуан крепко критиковал представителя государственной стороны за такое подозрительное отношение к обычному новогоднему подарку. Чэню пришлось признать свою ошибку и извиниться.

* * *

Двадцатишестилетний Чжао Шифан, старший технолог цеха шасси на Чанчуньском автомобильном заводе, рассказывает нам о том, как он проходил практику в Москве, на ЗИЛе.

— К концу практики,— говорит тов. Чжао, — мы довольно хорошо говорили по-русски на бытовые темы. И знаете, какое слово выучили первым? «Дружба»! Оно чаще всего употреблялось. А перед самым отъездом один наш русский сосед спросил: «Ну, а как, товарищи, никто вас здесь у нас не обижал?»

И тут обнаружилось, что слова «обида» никто из нас не знает. Ни разу оно не встречалось.

Г. БОРОВИК

НАСЛЕДНИКИ ГИТЛЕРА

— Вы очень хорошо говорите по-английски. Для солдата даже чересчур хорошо!

— У меня диплом экономиста. До солдатской службы я имел время, деньги...

— Вас мобилизовали?

— Вы задеваете мою честь! Нет, меня не мобилизовали. Я доброволец, сэр!

— Диплом экономиста... Семьсот фунтов стерлингов в год. Прекрасный заработок! Сейчас пятьдесят шиллингов в неделю и звание рядового солдата?

— Так точно!

— Патриотический поступок?

— Так точно!

— Вы гордитесь своей армией? Ее историей?

— Да!

— Но в этой истории есть такие страницы... за которые должно быть стыдно... Вы не находите?

— Нет!

— Вы довольны новой формой? Она ведь отличается от той формы, которую носили ваши предшественники во время второй мировой войны...

— Я бы изменил ее, сэр.

— Что же вам не нравится?

— Каска смахивает на американскую, ботинки похожи на те, что носят английские солдаты. Жмут ногу...

— Какую бы вы хотели обувь?

— Сапоги, сэр!

Мы воспроизвели почти дословно интервью, появившееся в прошлом году в английской газете «Дейли миррор». Брал интервью сотрудник этой газеты Уильям Коннор. Давал интервью Вольфганг Дернбрек — рядовой западногерманской армии.

Солдату нравятся сапоги. Добротные немецкие сапоги, тяжелые, точно отлитые из чугуна, — в таких ходили солдаты фюрера. Мир еще должен услышать поступь железных батальонов! Солдат нагло ест глазами любезного и доброжелательного собеседника. Германия превыше всего, сэр! Дернбрек готовится к военному маршу на восток. Он может пойти, если хотите, и на запад: у Германии старые счеты с Францией, с Англией. Он может пойти на все четыре стороны света, сэр! Куда прикажет новый фюрер, туда и пойдут его солдаты!

Кстати о фюрере. В вихре исторических событий минувшей осени почти незамеченным прошло одно событие.

Дело было в Берхтесгадене, что в Западной Германии. В конце октября тамошний суд официально объявил Адольфа Гитлера умершим.

Одиннадцать лет пять месяцев двадцать пять дней наследники и наследницы, поклонники и поклонницы фюрера сомневались насчет факта самоубийства Гитлера.

Адольф Гитлер, создатель «тысячелетней империи», точно заурядный шизофреник, глотает яд и лежит бездыханным у порога имперской канцелярии! Мог ли немецкий бог допустить столь трагический финал верховного существа, каким является фюрер?! Нет, бог взял фюрера живым на небо! Но Гитлер не задержится в райских кущах: он нужен немецкой земле. Настанет час, затрубят архангелы, разверзнется небесный свод, в грозе и в буре сойдет нацистский вождь в свой фатерланд и поведет старую гвардию в снега холодной России и к знойным пескам пирамид...

Бывший генерал-лейтенант гитлеровской армии Ганс Шпейдель, конечно, не разделял мистических взглядов поклонников и поклонниц Гитлера. Он не верил в бессмертие фюрера. Он одно время даже делал вид, будто находится в генеральской оппозиции.

Ганс Шпейдель, видимо, считал, что лично он больше подходит на роль главы «тысячелетней империи», нежели фюрер. Он полагал, что сам может вершить военные судьбы Германии.

После разгрома гитлеровской Германии Шпейделю некоторое время было худо. Пришлось менять форму. Генерал облачился в партикулярное платье. Он преподавал историю в Тюбингенском университете. Абсолютно не генеральское дело! Пересказывай студентам были Тацита и небылицы о Фридрихе Великом, считай сердитых галок в университетском парке, вспоминай военные денечки — разве это жизнь для истого пруссака, для военной косточки?..

А Париж! Ах, какие приятные воспоминания связаны у Шпейделя с французской столицей! Он ведь был там начальником штаба гитлеровских оккупационных войск... Увы, воспоминания оставались воспоминаниями.

Потом дела Ганса Шпейделя поправились. И немудрено: о нем не забывали в правительстве Аденауэра. Затем в НАТО кто-то спохватился: где затерялся генерал-лейтенант, ходивший в былое время к египетским пирамидам и насаждавший на Украине зону пустыни?.. Шпейдель бросил профессорские указки и сказки, облачился в военную форму, стал военным советником боннского канцлера. А в январе 1957 года его карьера взметнулась круто ввысь: он назначен на пост главнокомандующего сухопутными силами НАТО в центральной зоне Европы.

Раньше он мог только грызть в досаде ногти и мечтать о реванше. Теперь он готовится превратить генеральские мечты в дело.

Ганс Шпейдель ничего не мог придумать нового и оригинального, когда он находился за штатом. Попав снова в когорту военных начальников, он также не одарил мир новым словом. Ему по-прежнему не дают покоя ни египетские пирамиды, ни русские и украинские просторы. Сухопутные силы НАТО должны наследовать традиции гитлеровской армии. «При всем учете новых условий, — гремел Шпейдель в своей речи на массовом слете бывших военнослужащих африканского корпуса гитлеровской армии в Дюссельдорфе, — нужны старые основные солдатские добродетели, ценность которых не изменилась».

Ганс Шпейдель и Вольфганг Дернбрек, генерал и солдат, — одного поля ягода. Оба они готовятся убивать, насиловать, жечь. «Солдатские добродетели» — не думать, не рассуждать, слепо повиноваться начальству, топтать чугунным сапогом чужие земли, грабить, мародерствовать и, главное, убивать, убивать, убивать. Недаром в Западной Германии восстановлены старые германские ордена и медали, не исключая тех нагрудных знаков, которые раздавались Гитлером эсэсовским бандитам и головорезам. Недаром шумят по Западной Германии знамена и штандарты слетов, собраний, сходок, гульбищ бывалых людей, ходивших на восток и на запад, строивших адские печи в Майданеке и Освенциме. Недаром в качестве учителей и наставников молодого поколения, загоняемого в казармы, выступают бывшие гитлеровские служаки: генерал-фельдмаршал фон Манштейн, генерал-майор Курт Мейер, Альберт Кессельринг. Старые знакомые, старые специалисты по мокрым делам! Они обучают немецкую молодежь, они зовут ее следовать «солдатским идеалам» и учат «солдатским добродетелям». Вольфганг Дернбрек — тот самый солдат-убийца, на которого делают ставку генералы, помышляющие о третьей мировой войне, о реванше, о завоевании жизненного пространства для «высшей расы», о новой «тысячелетней империи».

Они все те же, фельдмаршалы, генералы, эсэсовцы, заплечных дел мастера, коричневые шарлатаны и головорезы. Вот они выпустили в свет новую книгу для Западной Германии — «Немецкий солдатский календарь на 1957 год». Как тут не вспомнить старую крылатую фразу: все врут календари! Солдатский календарь, в котором печатаются статьи и воспоминания Манштейна, Мейера, Кессельринга и иже с ними, во-первых, врет, когда расписывает сомнительные «победы» германского оружия; во-вторых, врет, умалчивая о несомненных поражениях этого оружия в течение многих столетий, от Фридриха («русские прусских всегда бивали») до Адольфа; в-третьих, врет, вновь суля немцам «мировое господство».

В солдатском календаре заштатные и штатные генералы печатают статьи и воспоминания старикам на утешенье, молодым на поученье.

Тот же Курт Мейер из эсэсовской дивизии «Гитлер-югенд» вспоминает о том, как он добирался до советского города Ростова-на-Дону. О том, как в Ростове-на-Дону эсэсовцы плавали по дну, мемуарист скромно умалчивает.

Отставной генерал от инфантерии Теодор Буссе тиснул в календарь статейку под заманчивым заголовком «Покорение Севастополя». Как много было охотников покорять Севастополь! Английские адмиралы, французские генералы, турецкие паши, гитлеровские стратеги, — а Севастополь стоял и стоит на своем славном посту и будет стоять!

Отставной генерал Конрад напомнил о своем бренном стариковском существовании статейкой под заголовком «Горнострелковые войска поднимаются на Эльбрус». Где же они, эти горные орлы? От них уже не осталось ни пуха, ни пера.

Нет, абсолютно ничего нового не могли придумать германские милитаристы; все это пройденные этапы: фашистская идеология, солдатские «идеалы» и «добродетели», ордена и медали, слеты в аудиториях и в пивных барах. Все это утиль из мусорной ямы короткой истории «тысячелетней империи», все это ценится только теми, у кого ослабла память. И, видимо, не от хорошей жизни мировая реакция, возглавляемая капиталистической Америкой, основывает свою политику в Европе на гитлеровском наследстве и наследниках.

Фашистский солдат Дернбрек желает сменить ботинки английского фасона на сапоги того образца, в которых ходили его предшественники. Этот солдат читает генеральские сочинения, разжигающие аппетит: Севастополь, Ростов, Эльбрус... Советский солдат смотрит на Дернбрека, на Шпейделя и других. Он не склонен преуменьшать значения и смысла милитаристской возни в Западной Германии. Он серьезный человек, у него хорошая память, зоркий глаз, мужественное сердце, твердая рука. Кроме того, он не чурается веселого и здорового смеха. Ему смешны претензии битых гитлеровских генералов. С усмешкой смотрит он на Вольфганга Дернбрека и ему подобных, что читают генеральские советы насчет Эльбруса и других кавказских гор, смотрит и дает им со своей стороны совет:

— Не ходи по косогорам: сапоги стопчешь!

И. РЯБОВ

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ

— В рабочее время — пьяный!! Уволят, что будешь делать!
— Критиковать директора...

От весны до весны

Некоторые колхозы Сватовского района, Ворошиловградской области, широко применяют оригинальный способ возделывания кукурузы: весною сеют — до следующей весны убирают.

Особенно отличается по этой части крупнейший в районе колхоз имени Кирова во главе со своим председателем тов. Семененко и агрономом Буцким. Зимой 1955—1956 года здесь осталось неубранной кукурузы в початках 160 гектаров. И вплоть до апреля вокруг нее шла ленивая, скучная возня.

— Ну, теперь опыт уборки кукурузы у нас есть, — удовлетворенно сказал тов. Семененко. — Учтем!

И «учли»... Сейчас опять на полях колхоза зимует кукуруза.

А тем временем в стойлах ревет скотина: люди добрые, есть ли у вас совесть?! Сколько же можно жевать позапрошлогоднюю солому, которая даже не запаривается!

Но с совестью у «добрых людей» обстоит, по-видимому, неважно. Их тут 300 человек работоспособных, а за последние два с половиной месяца хоть бы один початок выломали!

Естественно, что на такую «заботу» отощавшие коровы общественного стада реагируют посвоему: они стали давать козьи удои — два литра молока в день или чуть больше.

Так оно и получается: холодно в зимнем поле кукурузе, голодно скотине на «соломенном пайке», а руководству колхоза все, видать, трын-трава!

Рисунок Н. ЗВЕРЕВА (Ленинград).

— Я вам еще в сентябре докладывал, что зима на носу.

Интервью с лешим

Наш корреспондент побывал недавно на лесоразработках в Уренском районе, Горьковской области. На одной из глухих делянок мехлесопункта треста «Мослесдеталь» он обнаружил старого лешего и имел с ним продолжительную беседу.

— Такие-то дела! — сказал леший, перебирая мох в своей дремучей бороде. — Меня уже тыщу раз прорабатывали сказочники! Что ж, в порядке самокритики признаюсь, всяко бывало: и филином кричал, чтоб добрых людей попугать, и какого-нибудь заплутавшегося мужика всю ночь водил меж трех сосен, а иной раз даже сухое дерево повалишь для шумового эффекту. Но прямо скажу, гражданин хороший: отродясь я так не безобразничал в лесу, как директор этого лесопункта Чернобровкин Дмитрий Павлыч!

Вы, может, моему честному лешачьему слову не поверите, так у меня тут в несгораемом сугробе документик хранится. Вот, пожалуйте... Согласно проверенным данным, план заготовки леса за 11 месяцев 1956 года лесопункт выполнил на 141,5 процента. Скажете, хорошо? Хорошо-то хорошо, да вот какая загвоздка: с лесосек на склад вывезено только 59 процентов заготовленной древесины, а со склада в Москву, в «Главмосстрой», отправлено и того меньше. А тем временем на лесосеках гниет еще 30 тысяч кубометров невывезенного леса, который заготовляли в прошлые годы. Это как понимать? Это какой же такой план выполняет товарищ Чернобровкин? План заготовки или план уничтожения лесных богатств?

...На вопрос, почему заготовленная древесина не вывозится своевременно с лесосек, хорошо информированный леший ответил с предельной ясностью:

— Варварское использование тракторов и автомашин! Дороги к делянкам не ремонтируются, машины гробятся, а директор на жалобы водителей отвечает: «Идите вы к лешему!» Это ко мне, значит. Не удивительно, что при таком хозяйничании лесопункт только за 9 месяцев минувшего года дал 200 тысяч рублей убытка. (Убытки за последний квартал еще не подсчитаны.) В общем, одно слово: лес рубят — деньги летят!

В заключение беседы старый леший заявил:

— Я, конечно, пережиток, но мне хотелось бы еще маленько пожить: возьмутся же у нас в конце концов за таких лесогубителей?!

Крокодильская смесь

Рисунки Е. ГОРОХОВА.

ПУШКИН О КАЧЕСТВЕ ОБУВИ

«Шалун уж отморозил пальчик...»

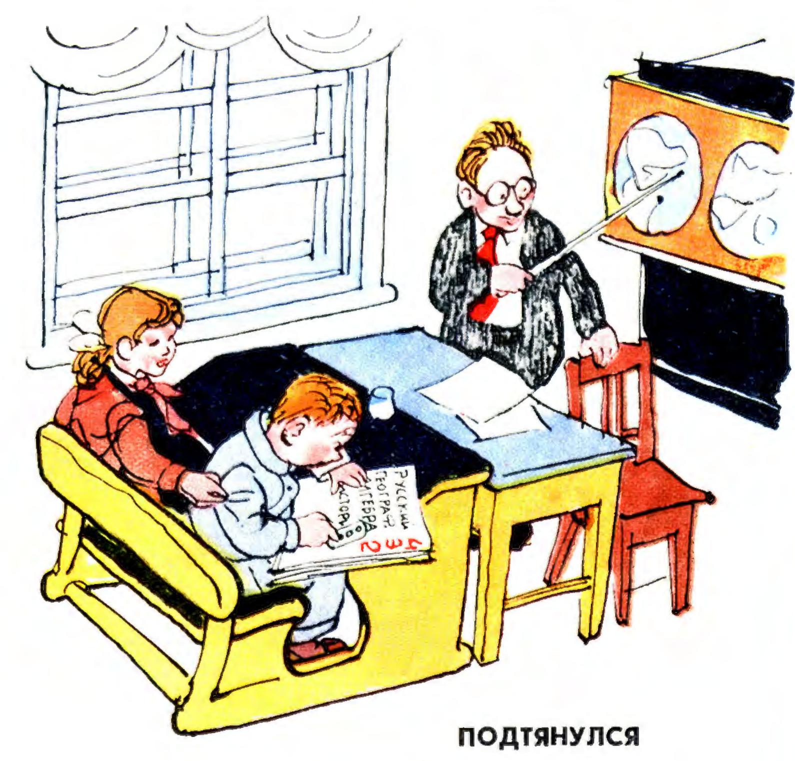
В ДОМЕ ПРИЕЗЖИХ

— Товарищ комендант, второй день я у вас живу и не могу согреться.

— А вы дайте денег уборщице, она сбегает...

— Боже мой! Что ты натворил!!

ПОДТЯНУЛСЯ

— Ты что делаешь!

— Учитель велел мне исправить двойку.

Один с ложкой, семеро с плошкой.

ЗЭК

(ЗИМНЯЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ КРОКОДИЛА)

А

Антарктида — место, где пятна (белые) выводятся гораздо быстрее, чем в «Химчистке».

Б

Бр-р-р!.. — непереводимая игра слов. В общежитии примерно означает: комендант плохо подготовил общежитие к зиме.

В

Весна — незабываемая пора, о подготовке к которой почему-то зимой приходится часто напоминать: «Пора ремонтировать трактора!», «Пора вывозить удобрения!», «Пора готовить семена!»...

Г

Гортоп — городская организация, занимающаяся планированием, заготовками, перевозкой и плохим снабжением населения топливом.

График — см. движение поездов.

Д

Движение поездов — не см. график, так как зимой он, к сожалению, часто не соблюдается.

Дороги — слово, которое в обиходе самостоятельного значения не имеет. Обычно употребляется вместе со словами: «Эх...!», «Ох...!», «Ну и...!», «Что за...!», «Уж эти мне...!».

Е

Единица — постоянная величина. Штатная единица—растяжимая величина.

Ж

Жильцы — категория людей, которым снегозадержание (на крыше) ни к чему.

З

Заморозить — сугубо зимний термин. Однако некоторые хозяйственники умудряются применять его и в теплые времена года: замораживают средства, замораживают стройки и т. п.

Запчасти — см., не см., все равно вовремя не увидишь.

И

Истопник — человек, работающий с холодком.

К

Коровник — объяснение не требуется. Требуется утепление.

Л

Ледовое побоище — не смешивать с хоккейным матчем.

Лыжа — (единств.) комплект спортинвентаря на некоторых лыжных базах.

М

Мороз — дед, который может неожиданно ударить, когда его совсем не ждешь.

Н

Недоделки — в жилищном строительстве, стыдливый заменитель слова «брак».

О

Осень — бывает и зимой (см. в окно).

П

Печка — рабочее место лодыря в зимнее рабочее время.

Прописные истины — «Лошади едят овес», «Волга впадает в Каспийское море», «Композиторы обещают написать оперу на современную тему».

Р

Рассвет — время, когда заседания уже близятся к концу.

С

Снег (на голову) — объективная причина.

Снегозадержание — сложное слово, которое некоторые председатели колхозов хотели бы упростить так: «снегоСАМОзадержание».

Т

Тротуар — скользкое место в работе отделов коммунального хозяйства.

У

Уникум — хороший дешевый шкаф.

Ф

Февраль — очень неудобный для штурмовщины месяц: в нем даже 29-е число — редкость.

Х

Хлопок — растет летом, а плоды дает зимой (см. Указ о награждении).

Ц

Цигейка — материал для шуб и дел о спекуляции.

Ч

«Час от часу не легче!» — воскликнул директор МТС, которого в разгар ремонтных работ каждый час вызывали на какое-нибудь заседание.

Ш

Шапка (пыжиковая) — шапка-невидимка.

Щ

Щель — узкое место, широко встречающееся в строительстве.

Э

Это начиналось так... — Осенью написали сценарий «Это начиналось так...». Весной сняли фильм «Это начиналось так...». Зимой выпустили на экраны картину «Это начиналось так...». Зрители на нее не пошли. Этим кончилось.

Ю

Юг — излюбленное место отдыха, где зимой резко сокращается количество командированных.

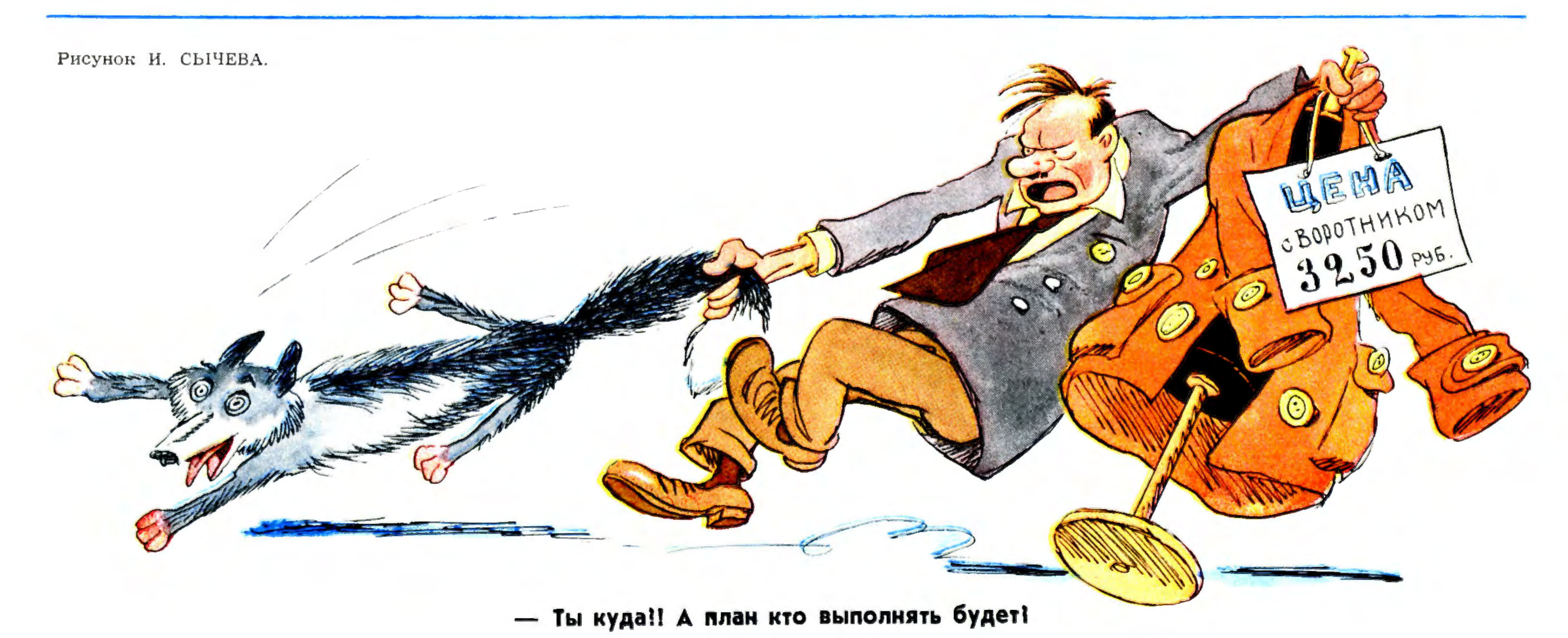

Я

Якобы — слово, употребляемое для выражения мнимости, недостоверности, например: «Наш директор якобы подготовил детский сад к зиме, а наш председатель завкома из-за этого якобы стукнул кулаком по столу директора».

Составили **М. Вайсборд, Я. Дымской.**

Рисунок И. СЫЧЕВА.

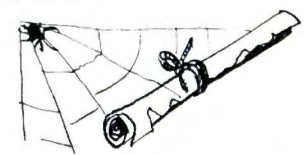

— Ты куда!! А план кто выполнять будет!

ЮБИЛЯРЫ

(По письмам читателей)

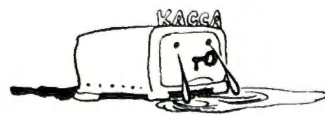
Нынешней зимой Крокодил отмечает в числе других знаменательных дат несколько юбилеев, о которых ему сообщила редакционная почта.

РОВНО ГОД назад начало свое путешествие рационализаторское предложение работника станции Отпор тов. Лешенок о наклейках на грузовые вагоны. За первые семь дней предложение проделало путь в 6 704 километра — от Отпора до Москвы. Остальные 358 дней оно с безумной скоростью передвигалось в пределах одного здания — Министерства путей сообщения. Переходя с этажа на этаж и из кабинета в кабинет, оно попало в вагонное управление и там застряло.

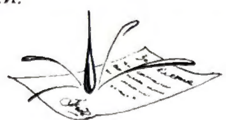
ДВА ГОДА стукнуло с тех пор, как Спас-Нерльскую межколхозную ГЭС повредил паводок, и столько же времени длится переписка о ее восстановлении. Говорят, что сейчас пострадавшие колхозники пишут научный труд на тему «Какое из стихийных бедствий страшнее: паводок или волокита?». Труд посвящается Ивановской строительно-монтажной конторе «Сельэлектрострой».

ТРИ ГОДА минуло с того ясного морозного дня, когда работникам горпромкомбината Куйбышевки-Восточной (Амурская область) прислали два пресса для производства резиновой обуви. О радости куйбышевцев можно судить хотя бы по тому, что у них никогда не было обувного цеха. На запрос: куда девать подарок? — Амурский облместпром ответил:

— Подержите пока у себя. Разберемся.

И «разобрались»: содрали за прессы семь тысяч рублей.

ПЯТЬ ЛЕТ истекло со дня первого заявления ленинградок Андреевой и Якушкиной о срочном ремонте потолка в их квартире. На торжественный прием, посвященный пятилетию хождения по учреждениям, были приглашены начальник жилищного управления Ленинского района тов. Кареев, управляющий делами тов. Смирнов и другие лица. Но почему-то они не пришли.

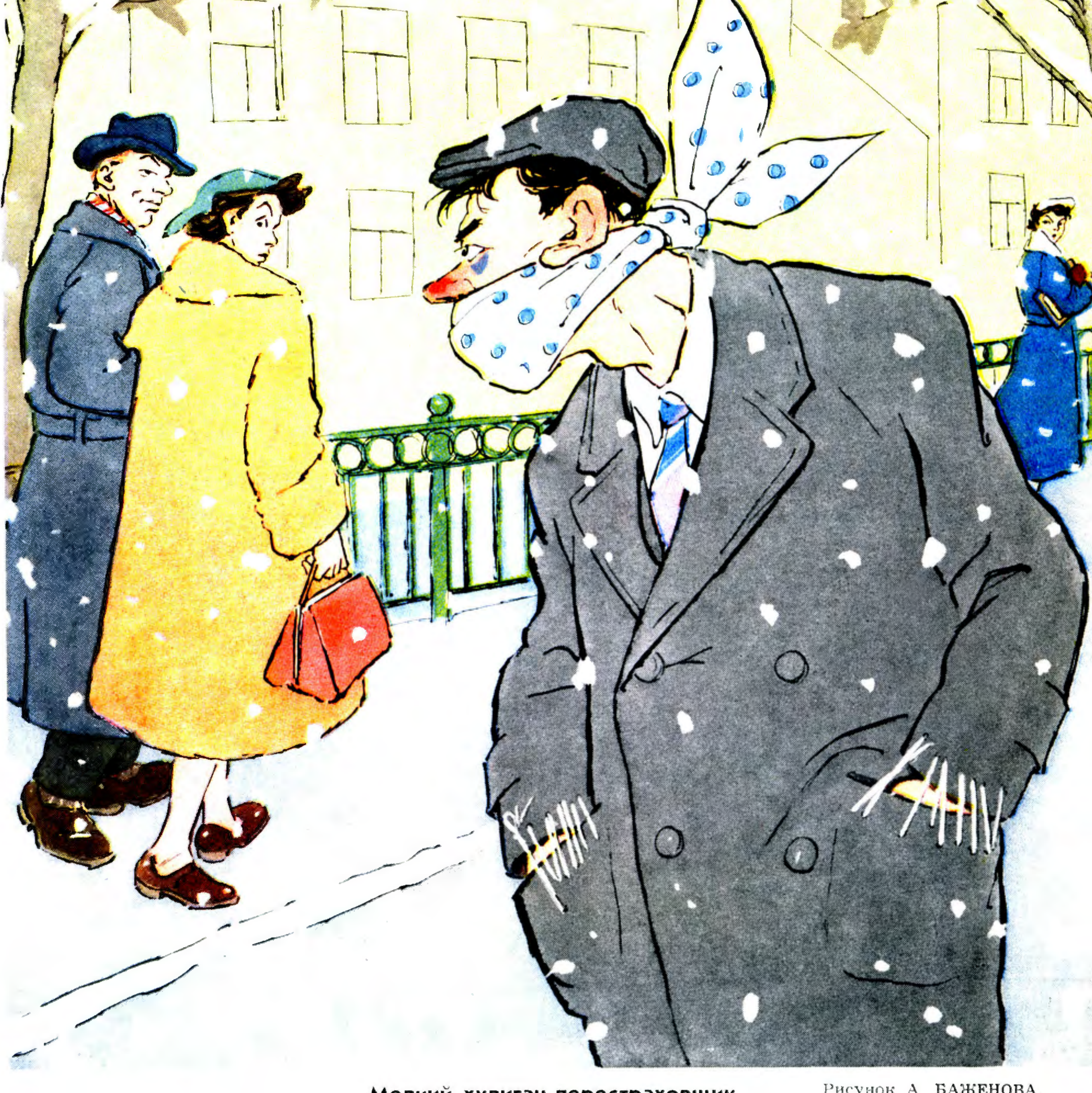
ВОСЕМЬ ЛЕТ назад занял очередь на получение квартиры житель Воронежа инвалид Отечественной войны тов. Штейн. Он добился исключительных успехов: если в 1949 году тов. Штейн был в первой пятерке остронуждающихся в жилье, то в начале 1957 года в этой очереди он стал... четырнадцатым!

Виновник торжества вкупе со своим семейством из четырех человек хотел поведать об этом событии председателю Воронежского горсовета тов. Бельскому. И поведал бы, если бы смог попасть на прием. Пока этого не произошло.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ назад в городе Кургане начались разговоры о строительстве Дома связи. С головокружительной быстротой, всего за семь лет, был создан проект здания. На восьмом году Курганский стройтрест уже успел заключить договор и получить аванс. Правда, в истекшем, 1956 году не вынуто ни одного кубометра грунта, но зато заключили новый договор и перенесли сроки начала строительства.

Т. НИКОНОВА

Мелкий хулиган-перестраховщик. Рисунок А. БАЖЕНОВА.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

Единственный трофей.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, В. Н. ГОРЯЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47. 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00223. Изд. № 124. Подписано к печати 29/I 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. Заказ № 190. Тираж 700 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Бывший генерал-лейтенант гитлеровской армин Ганс Шпейдель назначен на пост главнокомандующего сухопутными войсками НАТО в центральной зоне Европы. Шпейделю будут подчинены не только западногерманские, но и американские, английские, французские, голландскне, бельгийские и люксембургские вооруженные силы.

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

Североатлантический фюрер и его свита